

рыць у носі: «...нейкая баба... **прагамзіла**...» (Сцежкі-дарожкі, II, 58); унутраны стан персанажаў: **вязьмо** 'перавясла': «З кожым днём усё глыбей і глыбей угрузаў ён у невылазную нема-рач блытаных... супярэчнасцей, нібы аперэзаў яго нехта шчытным непарыўным **вязьмом** і з бязлітаснай павольнасцю зацягвае яго... Ён трапечацца... і яму нават нібы ўдаецца на момант расхінуць праклятае **вязьмо**, але з тым большаю сілай звінаецца яно ў наступную хвіліну» (Вязьмо, III, 139). Таксама пры дапамозе дыялектызмаў у мастацкім кантэксце перадаюцца адметнасці маўлення дзеючых асоб, асаблівыя рысы якіх праяўляюцца на фанетычным, граматычным і словаўтваральным узроўнях. Адметнасцю творчага почырку пісьменніка з'яўляецца тое, што дыялектызмы выступаюць у аўтарскім ідыялекце не толькі сродкам стварэння маўленнячага каларыту вясковага асяроддзя. Мастацкі ідыялект Міхася Зарэцкага адметны функцыянаваннем дыялектызмаў як сродкаў індывідуалізацыі маўлення персанажаў. Напрыклад, шырока распаўсюджана дыялектная лексіка ў маўленні героя апавесці «Голы звер» старшыні крэдытнага таварыства Шчука. Аўтар апераў тэрытарыяльна абмежаванымі лексэмамі з мэтай паказаць абмежаванасць дзеючай асобы. Фанетычныя дыялектызмы, у якіх перадаецца замена [ф] на [х], [хв], з'яўляюцца «пашпартызаванымі» рэплікамі персанажаў: «Грошы, шмат грошай. Нашто тады гэтая служба, **мадзенне**? Тады – кватэру лепшую... **хутру** абавязкова, такую, як... у **вакне** магазіна... **Пархумы**...» (Голы звер, II, 22). Ва ўрўнку з апавесці Шчук марыць аб незлічоным багацці, а ўмела ўплеценны ў кантэкст дыялектызмы падкрэсліваюць неадарэчнасць яго жаданняў. Такое выкарыстанне дыялектызмаў дазваляе дасягнуць камічнага эфекту. Гэта можа быць падставай да сцвярджэння, што дыялектызмы ў мове твораў Міхася Зарэцкага выконваюць функцыю «моўнай гульні», у выпадку чаго аўтар «як бы гуляе з формай маўлення, калі свабодныя адносіны да формы маўлення атрымліваюць

эстэтычнае заданне, няхай нават самае сціплае» (Земская 1983, 172).

Такім чынам, уключэнне дыялектызмаў у лексічную структуру мастацкага ідыялекту Міхася Зарэцкага абумоўлена неабходнасцю стварэння адметнага каларыту. Разам з тым дыялектныя лексэмы выконваюць у ідыялекце пісьменніка розныя эстэтычныя функцыі, а гэта значыць, што дыялектызмы з'яўляюцца выразнымі сродкамі стварэння аўтарскага ідыялекту і адлюстроўваюць творчую эвалюцыю пісьменніка.

Скарачэнні

СГЦРБ – Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі: У 2 т. Т. 1. А – П / Пад рэд. Е.С. Мяцельскай. Мн., 1990; **ВКС** – Каспяровіч М.І. Віцебскі краёвы слоўнік / Пад рэд. М.Я. Байкова і інш. Віцебск, 1927; **ДБСП** – Абабурка М.В. Дыялектызмы ў творах беларускіх савецкіх пісьменнікаў: Кароткі слоўнік-даведнік. Мн., 1979; **КСУМ** – Бялькевіч І.К. Краёвы слоўнік Усходняй Магілёўшчыны. Мн., 1970; **МАСМ** – Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны / М.В. Абабурка і інш.; Пад рэд. А.Я. Крывіцкага, І.Я. Яшкіна. Мн., 1983; **ТСБМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. Мн., 1977–1984; **ЛАБНГ** – Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: У 5 т. / Пад рэд. М.В. Бірылы, Ю.Ф. Мацкевіч. Мн., 1993; **ПКС** – Ластоўскі В. Падручны расійска-крыўскі слоўнік. Коўна, 1924.

ЛІТАРАТУРА

- Воўк-Левановіч І.В. Важнейшыя рысы гаворкі вёскі Татаркавічы і гаворак ваколічных вёсак // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы класы філалёгіі. Менск, 1928. Т. 1. Кн. 2. С. 147–188.
Груцо А.П. Старославянскі язык. Мн., 2005.
Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика, Морфология, Лексика, Жест. М., 1983. С. 172–211.
Карский Е.Ф. Программа для собирания особенностей народных говоров. СПб., 1896.
Каўрус А. Мова народа, мова пісьменніка. Мн., 1989.
Лёсік Я. Беларуская мова. Правапіс. Менск, 1924.
Растаргуеў П. Да характарыстыкі беларускіх гаворак. Мн., 1928.
Янкоўскі Ф.М. Гістарычная граматыка беларускай мовы. Мн., 1989.

Паступіў у рэдакцыю 04.11.08.

Наталля Яўгеніўна Пятрова – старшы выкладчык кафедры беларускай і рускай моў БНТУ.

О.В. ЗУЕВА

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ДРЕВНЕРУССКИХ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ В СИСТЕМЕ ПИСЬМЕННОСТИ XI–XVII вв. (синтаксический аспект)

На основании концепции регистровой стратификации восточнославянской письменности XI–XVII вв. проанализирована синтаксическая организация 840 древнерусских эпистолярных текстов; установлены закономерности стилистического распределения в них книжных и некнижных языковых единиц в зависимости от вида послания, типа контекста, предмета речи.

According to the conception of the registry stratification of the Eastern Slavonic medieval literacy syntactic organization of 840 Ancient Russian (XI–XVII cc.) epistolary monuments is analyzed; the trends of stylistic distribution of literary and non-literary linguistic features depending on the type of letters, context and speech subject are revealed.

Место древнерусских эпистолярных текстов XI–XVII вв. в жанровой системе памятников русского языка до настоящего времени остается не вполне определенным (древнерусский период

понимается нами как донациональный, т. е. широко). В известных моделях книжных и некнижных жанров – С.И. Коткова (см. Котков 1970, 44), Н.И. Толстого (см. Толстой 1988, 69) и др. – упо-

минаются отдельные виды писем, однако без учета их тематического и лингвистического разнообразия (предлагаемую нами типологию писем см.: Зуева 2007). Необходимость установить языковые особенности произведений эпистолярного жанра и обозначить место последних в системе средневековой письменности определила актуальность проведенного исследования.

Анализ и систематизация материала проводились с опорой на концепцию регистровой стратификации древне- и старорусской письменности (см. Ремнева 1982; Живов 1996), согласно которой функциональное соотношение книжных и некнижных – генетически церковно- и восточнославянских – разноразрядных языковых элементов, отражающее речевые навыки авторов текстов, конституирует один из стандартов языкового употребления, или письменный регистр. Выделяются следующие регистры: стандартный церковнославянский (1); гибридный церковнославянский (2); деловой (3) и бытовой (4). Принимая данную концепцию как наиболее авторитетную в современном историческом языкознании, отметим, что ее уязвимым местом является неединственность основания номинации регистров. Отнесение языка текста к книжным (1, 2) либо некнижным (3, 4) регистрам основывается на выявлении у него ряда формальных морфолого-синтаксических признаков, которые бывают соотносительными и несоотносительными. Соотносительными признаками мы называем разные способы языкового выражения одного смысла, например, отношения времени: сочинение: *а пожалуйш привезеш и мы тебе денги заплатим* (ИНРЯ, № 5, 81); подчинение с использованием разговорного союза: *как лучитца время побей челом боярину* (Ордин, № 5, 17); подчинение с использованием книжного союза: *Егда же убо прочтохомъ о вашемъ здравіи посланную къ намъ грамоту... велми духовно возрадовахся* (ПРГ, № 42, 42) – все примеры из текстов XVII в. Несоотносительные признаки связаны с отдельным грамматическим смыслом и характеризуют язык и стиль только одной группы текстов – книжных или некнижных: оборот Дательный самостоятельный, частица *де*, повтор предлогов типа *оу максима оу ключника* и др. Употребление пишущим тех или иных форм должно быть системным и относительно частотным: единичные форма аориста в этикетной формуле или флексия *-ия* в титуле царя: *Христось воскре... всея великия і малыя Росіи* в бытовом письме царя Алексея Михайловича, XVII в. (ПРГ, № 26, 24), не указывают на книжный стиль всего текста, так же как не снижают стандартный церковнославянский регистр официального духовного послания архиепископа Вассиана Рыло царю Ивану III, 1480 г., единичное *л*-причастие на фоне более чем 80 аористов и 16 имперфектов и 3 формы на *-ого* на фоне 23 форм на *-аго* (Вассиан).

Рассмотрим функционирование стилистически маркированных книжных и некнижных языковых средств на примере соотносительных синтакси-

ческих явлений, представленных в эпистолярных текстах двух «полярных» видов: частных (бытовых и деловых) и официальных духовных (учительных, интеллектуальной тематики, воодушевляющих «на брань») письмах XI–XVII вв. В качестве таковых явлений определены: 1) уровень употребления языковых единиц – способы выражения побудительной модальности и средства оформления подчинительных отношений в составе сложных предикативных конструкций: целевых, условных, временных, определительных; 2) уровень текста – организация изложения информации.

На уровне употребления языковых единиц распределение книжных и некнижных народно-разговорных синтаксических явлений между текстами разных видов и регистров показано в табл. 1. Процентное отношение указывается от общего числа конструкций с одним грамматическим значением в данном виде письма. Как видно из таблицы, использование конструкций в текстах разных регистров дифференцируется качественно, – например, в официальных духовных посланиях используются исключительно книжные временные союзы и союзные слова с определительным значением – и количественно: ср. относительную частоту использования книжного побуждения вида «*да + презенс*» или книжной условной конструкции «*аще + глагол*» в официальных посланиях строгой церковнославянской нормы и в частных бытовых посланиях. Частная переписка отличается значительно большим разнообразием используемых адресантом синтаксических форм.

Типичные контексты реализации тех или иных логико-смысловых отношений для отдельных видов писем также различны. Например, в берестяных грамотах делового содержания широко распространены условные конструкции в сочетании с предшествующим и последующим императивными оборотами типа: *присьли ми веверице оже ти свеня не поустья а присьли* («Пришли мне деньги. Даже если не пошлешь Свеня, всё равно пришли»). XI в. (ДНД, № 902, 247). Здесь и далее примеры даются в упрощенной орфографии: буква «ять» заменена на букву «е». В синтаксисе частных бытовых грамоток XVI–XVII вв. условные отношения реализуются крайне редко; их репрезентация ограничена в основном устойчивой формулой сообщения о себе, выражаемой бессоюзной полипредикативной единицей: *а про меня ізволішь ведат і я по троіцын днь въ селце Титовском жива* (Гр-ки, № 84, 55). В официальных духовных посланиях прямой дидактической и агитационной направленности сообщение условий выполнения адресатом необходимых действий является важным компонентом содержательной структуры текста, что предопределяет частотность условных оборотов, в том числе цитатных: *Аще взыграешися, яко орель, и аще посреде звездъ гнездо свое сътвориши, то и оттуду ты свергу, рече господь; Аще поревнуеши своему прародителю... и господь бог такожде поможет ти...* (Вассиан, 526, 530) и др.

Книжные и некнижные синтаксические средства в языке писем XI–XVII вв.

Виды отнош.	Синтаксические конструкции		Частное письмо									Официальное духовное		
			БГ			Бытовое			Деловое					
			%	4	2	%	4	2	%	4	2	%	2	1
Побудительные		Императив	95,5	+	72,76	+	+	69,5	+	+	49	–	+	
		Инфинитив	0,64	+	8,17	+	+	7,8	+	–	6,04	–	s	
		Презенс	0,33	s	0	–	–	0	–	–	2	–	+	
	I	Да + презенс	0	–	3,11	+	+	1,42	–	+	35,6	–	+	
		Да + императив	0	–	4,67	–	–	12,05	+	–	0	–	–	
		Да бы еси + л-причастие	0	–	0	–	–	0	–	–	0,65	–	s	
		Лѣло + инфинитив	0	–	0	–	–	0	–	–	0,65	–	s	
		Подобаетъ + инфинитив	0	–	0	–	–	0	–	–	3,36	–	s	
	II	Чтобы, бы + л-причастие	3,2	+	10,11	+	+	5,67	+	–	2,7	+	+	
		Бы + инфинитив	0,33	s	1,18	–	+	2,12	+	–	0	–	–	
		Хорошо бы + л-причастие	0	–	0	–	–	0,72	s	–	0	–	–	
		Хорошо бы + инфинитив	0	–	0	–	–	0,72	s	–	0	–	–	
	Условные	I	Аще + глагол (...то, и, ино)	0	–	19,3	+	+	7,55	+	+	85,7	–	+
		II	Ать, ате, аще, оце, ци + глагол	13,69	+	0	–	–	0	–	–	0	–	–
Ожъ, оже, ажъ, аже + глагол			43,81	+	1,76	s	–	0	–	–	11,9	–	+	
Ли, али, оли, или, ели + глагол			26,22	+	0	–	–	0	–	–	0	–	–	
Будеть, буде + глагол (...и, ино)			0	–	24,55	+	+	54,69	+	–	0	–	–	
Коли... + глагол (...и)			0	–	3,5	+	+	0	–	–	0	–	–	
Какъ + глагол			0	–	1,76	s	–	0	–	–	0	–	–	
Только + глагол (...и)			1,37	s	10,52	+	–	11,3	+	–	0	–	–	
Хотя бы + л-причастие			0	–	1,76	–	s	0	–	–	0	–	–	
Если бы + глагол			0	–	1,76	s	–	0	–	–	0	–	–	
Вдругъ + глагол			0	–	0	–	–	1,94	s	–	0	–	–	
Бессоюзие и формальное сочинение		9,58	+	35,08	+	–	24,52	+	–	0	–	–		
Целевые		I	(Яко) да + презенс	0	–	17	–	+	4,17	–	s	65,4	–	+
			Яко + инфинитив	0	–	0	–	–	0	–	–	7,7	–	+
	Дабы + инфинитив		0	–	1,89	–	s	0	–	–	0	–	–	
	Дабы, дад бы + (не) л-причастие		6,7	s	0	–	–	0	–	–	3,85	–	s	
	Да + перфект		13,35	+	0	–	–	0	–	–	0	–	–	
	II	Чтобы, бы + л-причастие	20	+	58,47	+	–	62,5	–	–	15,4	+	+	
		Абы не + л-причастие	13,35	+	0	–	–	0	–	–	0	–	–	
		Дати (даты) + (не) глагол	26,7	+	1,89	s	–	0	–	–	0	–	–	
		Отъ (оте) + глагол	13,35	+	0	–	–	0	–	–	0	–	–	
		Чтобы, бы + инфинитив	6,7	s	20,75	–	+	20,83	+	–	7,7	–	+	
		Инфинитив	0	–	0	–	–	8,33	+	–	0	–	–	
	I	Бессоюзие	0	–	0	–	–	4,17	s	–	0	–	–	
		Eгда, елико егда + глагол (...тогда)	0	–	8	–	+	0	–	–	100	–	+	
		II	Какъ, како + глагол (...такъ, и)	55,6	+	84	+	+	75	+	–	0	–	–
Оли, олна + л-причастие	22,2		+	0	–	–	0	–	–	0	–	–		
Коли + глагол	11,1		s	0	–	–	0	–	–	0	–	–		
Покаместъ + глагол	0		–	4	–	+	0	–	–	0	–	–		
Бессоюзие и формальное сочинение	11,1		s	4	+	–	25	+	–	0	–	–		
Определятельные	I	Иже + сущ.	11,76	+	7,7	–	+	0	–	–	98,7	+	+	
		Еликъ	0	–	0	–	–	0	–	–	1,3	s	–	
	II	Который + сущ. (...тотъ)	11,76	+	19,2	+	+	40	+	+	0	–	–	
		Что, кто + сущ. (...тотъ, все)	76,47	+	57,7	+	+	44	+	–	0	–	–	
		Кои + сущ.	0	–	11,53	+	+	4	s	–	0	–	–	
		(Такой) сущ. ...шубъ	0	–	0	–	–	12	+	–	0	–	–	
		Сущ. ...дабы	0	–	3,87	–	s	0	–	–	0	–	–	
		Бессоюзие и формальное сочинение	0	–	0	–	–	0	–	–	0	–	–	

Примечание. Крайняя лаконичность берестяных грамот не позволяет однозначно квалифицировать большинство из них с точки зрения видовой принадлежности, поэтому мы рассматриваем их как отдельную, условно единую по содержанию, группу текстов смешанной бытовой и деловой тематики. В таблице используются сокращения: виды отнош. – виды синтаксических отношений; I – книжные средства; II – народно-разговорные средства; цифры 1, 2, 4 обозначают регистры (см. выше); знаки «+», «–» указывают на наличие/отсутствие явления; s – явление отмечено единично; БГ – берестяные грамоты.

Нейтральный для письма одного вида языковой факт может становиться стилистическим средством в послании другого вида; представленные не единично, такие факты влияют на регистровую принадлежность текста. Повышение стиля и появление признаков книжного и гибридного регистров у любых некнижных текстов, пишет В.М. Живов, происходит «за счет интерфе-

ренции книжного языкового опыта пишущих, в ряде случаев спровоцированной контекстом» (Живов 2004, 96). Примеры такого рода широко представлены в частной бытовой переписке церковных лиц, – таким образом, социокультурный статус адресанта оказывается не менее значимым параметром. В большинстве случаев введение книжной конструкции обусловлено устой-

чивостью контекста, вхождением ее в состав формулы, эксплицирующей элемент содержательной структуры письма: например, в частных письмах митрополита Киприана, 1370–1380-е гг., побуждение «да + презенс» представлено в устойчивых контекстах, всегда характеризующихся высоким стилем: *А господь бог да съблюдет вас неврежены* (Киприан, 204) и др. Кроме указанных факторов, характер стиля эпистолярного текста определяется таким использованием языковых средств, который обусловлен не только устойчивым контекстом и интерференцией книжного опыта пишущего, но и частной интенцией автора и осознанным воплощением его представлений о должной степени книжной (культурной) обработанности текста. К примеру, элементы книжного синтаксиса, а также морфологии и лексики в грамотке XVII в. светского содержания, посвященной подготовке к браку, очевидно, не мотивированы ничем, кроме попытки адресанта (родителя жениха) произвести нужное впечатление на адресата (родителя невесты): *дабы начинающая нши дела... во окончания привести* – ср. там же: *чтобы мне по указу великого гсдря посылки куды вскоре не учинилос*; в другом случае в той же грамотке стилистический выбор мотивирован предметом сообщения: *не зазри что дерзнул к тебе... восписати боюся рекшего о любви яко всего лутчши есть любовь* (Гр-ки, № 52, 40).

Понижение стиля изложения в посланиях книжных регистров почти всегда связано с контекстом и предметом изображения. Например, введение условного не книжного союза *оже* в составе народно-разговорного фразеологизма и повтор предлогов в двух официальных духовных посланиях архимандрита Феодосия 1545–1546 гг. объясняется тем, что адресант в обоих случаях пересказывает письмо адресата, т. е. данные фрагменты – чужие в создаваемом тексте: *Прислалъ еси... грамоту, а въ ней пишетъ, что ты, государь, мыслишь, оже дастъ Богъ, на весну итти со всемъ войскомъ на своего недруга на Казанскаго...* (ДАИ, № 37, 39).

На уровне текста основные стилистические различия писем разных видов и регистров заключаются в наличии либо отсутствии синтаксических черт разговорной речи и использовании оборотов, характеризующих порядок подачи материала, или метатекстовых средств. В частной переписке широко представлены следующие приемы разговорной речи.

1. Вынесение вперед темы сообщения посредством изолированного употребления именительного падежа «темы»: *[И описати на какие платна про себя надобны нашивки], а образец – то я узнаю по платну*, 1643 г. (Ордин, № 20, 42); употребление вводных предложений «темы»: *А што старость тебя твоя пострашит: и о животе и смерти имеем промысленника и строителя – истинного всех бога*, 1643 г. (Ордин, № 16, 36).

Отметим, что широко представленные в частных письмах препозиция придаточной части типа *что еси дала пожню в быковщине то шюега*

отимаеть ('Пожню, что ты [мне] дала в Быковщине, Шуйга отнимает'), XIV в. (ДНД, № 477, 631), и инверсия в рамках простого предложения типа *а про меня изволишь ведат* (ср. нейтральный порядок слов: **а изволишь ведат про меня*) не являются разговорными чертами в силу распространенности их в деловой письменности.

2. Сообщение добавочной информации посредством вставных предложений: *...отпиши матушка била челом как тетюшки не стало Параскови Костентиновны и кое число*, XVII в. (ИНРЯ, № 5, 81).

3. Смысловое акцентирование посредством парцелляции и присоединительных конструкций: *се послахове <...> и тетерева и кльбасоу а коня 2 и сторова* ('вот мы двое послали <...> и тетерева, и колбасу, да два коня, причем здоровых'), XII в. (ДНД, № 842, 311).

В берестяных и неберестяных частных письмах метатекст представлен ограниченно. Переход от зачина к семанте и введение новой темы могут маркироваться оборотами типа *вестно тебе чиню, что...*; *буди тебе ведомо*. На завершение письма указывают конструкции *по томъ, за симъ/по томъ писавый* в прощальной формуле, причем причастие мужского рода употребляется в них независимо от пола адресанта: *за сим писавый Марфа Тимофеева доч челомъ бьетъ* (Гр-ки, № 29, 28).

Официальным духовным посланиям неизвестны приемы разговорной речи. Для них характерны ораторские риторические фигуры, среди которых особенно частотны повторы – цепочки однородных членов или однородных придаточных частей, например: *...молимъ... о благостоянии святыхъ Божиихъ церквей и о многолетнемъ ти телесномъ здравии и о душевномъ спасении... и о твоей благородной и христолюбивой Царицы... также и о твоей братии... и о княгине его...*, 1552 г. (АИ, № 160, 291). Стилеобразующей синтаксической чертой этих текстов является присоединительная фразеологизированная конструкция, включающая оборот *...же (еже) глаголю...*, перефразирующая предмет речи, названный в главной части: *...исходиши противу оному окаанному мысленному волку, еже глаголю страшливому Ахмату...* (Вассиан, 524) и др. В составе предикативных единиц широко, если не избыточно, употребляются частицы и союзы *же, бо, убо*, логически скрепляющие содержание высказываний и отсылающие адресата к вышеизложенному. Метатекст присутствует в семанте лишь трех источников; конструкции представлены единично и однотипны с метатекстом официальных служебных (агитационных) и частных духовных писем, например: введение новой информации: *...ныне же слышахом, якоже...* (Вассиан, 524); завершение одной мысли и переход к следующей: *сія бо оставль, со Давыдом реку* (АИ, № 302, 550).

Распределение писем XI–XVII вв. по регистрам

Тип письма	Вид письма	Число текстов	Век	Регистр			
				1	2	3	4
Официальное	Служебное	25	XII, XIV–XVII	20,8	29,2	50	–
	Фатическое	25	XV–XVII	72	28	–	–
	Духовное и интеллектуальной тематики	9	XI, XIV–XVII	90	10	–	–
Частное	Берестяные грамоты	184	XI–XV	–	–	–	100
	Бытовое	55	XV–XVII	–	38	–	62
	Деловое	30	XVI–XVII	–	3,3	–	96,7
	Фатическое	35	XVI–XVII	2,85	2,85	–	94,3
	Духовное и интеллектуальной тематики	21	XI–XVII	62	38	–	–

Проведенное исследование показало, что эпистолярные тексты представлены во всех регистрах письменности XI–XVII вв. В результате выборки стилистически маркированных грамматических языковых средств из частных и официальных писем разных видов (неравномерное число текстов объясняется различием их объемов: от 7–10 словоупотреблений в текстах берестяных грамот и 15–25 в бытовых грамотках до сотен в официальных посланиях) было установлено распределение текстов по регистрам в процентном отношении (табл. 2).

«Сквозным», хотя и не преобладающим ни в одном виде писем, является гибридный регистр. Деловой представлен только среди официальных служебных посланий и составляет основу их языка. Типологическая и регистровая классификации писем не соотносятся полностью, однако зависимость степени книжности письма от сферы и темы общения устанавливается регулярно. Помимо этого, на стиль послания влияют конкретный предмет изображения в рамках темы, роль используемых языковых средств в организации содержательной структуры текста, характер контекста (устойчивый – оригинальный, речь автора – «чужая речь» в широком смысле), социокультурный статус адресанта, цели воздействия на адресата. Наблюдения над синтаксической организацией писем XI–XVII вв. с точки зрения использования соотносимых языковых средств и возможностей построения речи показывают ряд последовательных различий, как качественных, так и количественных, обусловленных названными факторами; при этом синтаксическая стилистика регулярно согласуется со стилистикой морфологических и лексических средств.

Определяя место эпистолярного жанра в средневековой письменности, необходимо констатировать межстилевую природу письма и относить к

тому или иному регистру не эпистолярный текст «вообще», а конкретный его тип и вид. Отсутствие эпистолярного стиля в системе функциональных стилей современного русского языка связано с использованием в письмах любых лингвистических ресурсов, что является основным свойством эпистолярного типа текста, панхроничным и потому представленным в различных жанровых образцах, начиная с древнейших времен.

Сокращения

АИ – Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией, М., 1841. Т. 1; **Вассиан** – Послание на Угру Вассиана Рыло // Памятники литературы Древней Руси, М., 1982. С. 524–536; **Гр-ки** – Грамотки XVII – нач. XVIII в. М., 1969; **ДАИ** – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией, СПб., 1846. Т. 1; **ДНД** – Зализняк А.А., Древненовгородский диалект, М., 2004; **ИНРЯ** – Котков С.И., Панкратова Н.П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – нач. XVIII в. М., 1964; **Киприан** – Послания митрополита Киприана // Прохоров Г.М. Повесть о Митяе, Л., 1978. С. 193–203; **Ордин** – Галактионов И.В. Ранняя переписка А.П. Ордина-Нащокина (1642–1645 гг.). Саратов, 1968; **ПРГ** – Письма русских государей и других особ царского семейства, М., 1896; **ПРЯ** – Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия, М., 1965.

ЛИТЕРАТУРА

Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века, М., 1996.
Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков, М., 2004.
Зуева О.В. Русские памятники эпистолярного жанра XI–XVII вв. как предмет лингвистического исследования // Вестн. БДУ. Сер. 4. 2007. № 3. С. 35–40.
Котков С.И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков, М., 1970.
Ремнева М.Л. История русского литературного языка: Особенности грамматической нормы, М., 1982.
Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков, М., 1988.

Поступило в редакцию 08.12.08.

Ольга Владимировна Зуева – аспирантка кафедры русского языка. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е.И. Янович.

Д. РАТКОВИЧ

ТИП ЯЗЫКА ПОЭМЫ «ГОРНЫЙ ВЕНЕЦ» (1847) ПЕТРА II ПЕТРОВИЧА-НЕГОША

На основании сравнительного анализа языка поэмы «Горный венец» (1847) Петра II Петровича-Негоша с сербским литературным языком того времени показано, что Негош писал на формирувавшемся тогда сербском литературном языке, а диалектные формы использовал в стилистических целях.

Having compared the language of the poem with the Serbian literary language of that time it is shown that Njegoš wrote on the Serbian literary language, which was being formed then, and used the dialectal forms for stylistic purposes.

Авторизованный перевод с сербского языка Н.В. Сулрунчука.